

Известия - 2006 - 15 февр. - с. 10

Жизнь наступила внезапно

Юрий Погребничко любит давать спектаклям по русской классике сложно-сочиненные названия — «Отчего застрелился Константин?», «Где здесь про воскресение Лазаря?». Название его недавней премьеры звучит совсем уж замысловато: «Русский дворянин — семинарист и гражданин цивилизованного мира». Только очень проницательный ум способен догадаться, что в основе этого сценического сочинения лежат «Бесы» Федора Достоевского.

МАРИНА ДАВЫДОВА

Статью о новом спектакле в театре «Около дома Станиславского» так и тянет назвать в духе самого постановщика — «Как Погребничко чуть не стал Камой Гинкасом». Потом, ближе к финалу, можно объяснить, что все-таки не стал. Тут только исходная точка общая — взять какую-то линию из огромного романа, нащупать одну из его болевых точек и подробно исследовать ее на сцене. Гинкас — любитель такой акупунктурной режиссуры. Погребничко, словно следуя его методе, берет для своей акупунктуры линию Кириллова из «Бесов». На этом, собственно, сходство двух режиссеров заканчивается, потому что, выбрав эту точку, Гинкас неизбежно вывел бы на сцену самого Алексея Нилыча Кириллова. Он разглядел бы самого известного самоубийцу мировой литературы со всех сторон. Безжалостно препарировал бы его психологию. Разъял бы на части характер.

Погребничко — и в этом константа его стиля — вообще не интересуется проникновением в чью-то психологию. Всегда и во всех спектаклях разные герои и даже разные времена существуют у него на манер сообщающихся сосудов. Мысли и чувствования персонажей словно передаются от одного артиста другому воздушно-капельным путем. У идей нет индивидуализированных носителей. Они как бы растворены в воздухе. В звенящем пустом пространстве спектакля. В дзэнских эмпиреях, где артисты не играют, а витают. Действуют и медитируют на ходу.

В «Русском дворянине», поставленном вроде бы о Кириллове, Кириллова нет даже в списке действующих лиц. Есть расследующие обстоятельства дела пять «сотрудников конторы» (двух из них играют актрисы — Лика Добрянская и Татьяна Лосева) и дворники, выносящие тело самоубийцы — безликую поролоновую куклу. За дворников тут — сам Погребничко и чудесный артист его театра Алексей Левинский. Все они (включая дворников в шапках-ушанках и женщин в излюбленных Погребничко войлочных шинелях на вырост) заражены

бациллой суицида. Все в какой-то момент становятся Кирилловым, и партнеру по сцене приходится брать на себя роль его собеседника-оппонента. Иными словами, это спектакль не о странном герое, «логическом самоубийце», а о кирилловщине, пронизавшей собой мятущийся человеческий ум. О невозможности жить, когда потерян Бог. Если душа не бессмертна, то жизнь бессмысленна — кто из нас не мучился этим вопросом, пусть не доводя его до логического (самоубийственного) ответа.

В спектакле, однако, есть еще один герой, не выведенный на сцену, но очень важный. Это — Александр Сергеевич Пушкин. В самом финале одна из «сотрудниц конторы» выйдет на сцену и начнет в специфической манере, какую встретишь только у Погребничко (где-то на грани между пафосом и иронией) вдруг читать стихи поэта. И этот дивертисмент лишь кажется чем-то необязательным. Эдакой забавной кодой невеселого представления. У Погребничко ничего просто так не бывает.

Удивительным образом в его спектакле кирилловщине оказывается противопоставлена не истовая вера (оппозиция Достоевского), а пушкинское приятие жизни, существующее помимо веры. «Цели нет передо мною:/ Сердце пусто, празден ум,/ И томит меня тоскою/ Однозвучный жизни шум» и «Под голубыми небесами/ Великолепными коврами,/ Блестя на солнце, снег лежит...» — это ведь все одним поэтом написано. И разве нельзя восхититься солнцем, и морозом, и прозрачным лесом, и упоенно скользить по утреннему снегу, вопрошая про себя: «Дар напрасный, дар случайный,/ Жизнь, зачем ты мне дана? Разве изъеденный рефлексией ум не может познать любовь или упиться гармонией? Разве счастье тождественно вере?»

В жизни есть смысл просто потому, что в ней есть красота. Она, может, и не спасет мир, но она наполнит душу радостью. В спектакле Погребничко есть тоска, но нет отчаянья.

Перечитывайте Пушкина, господа!